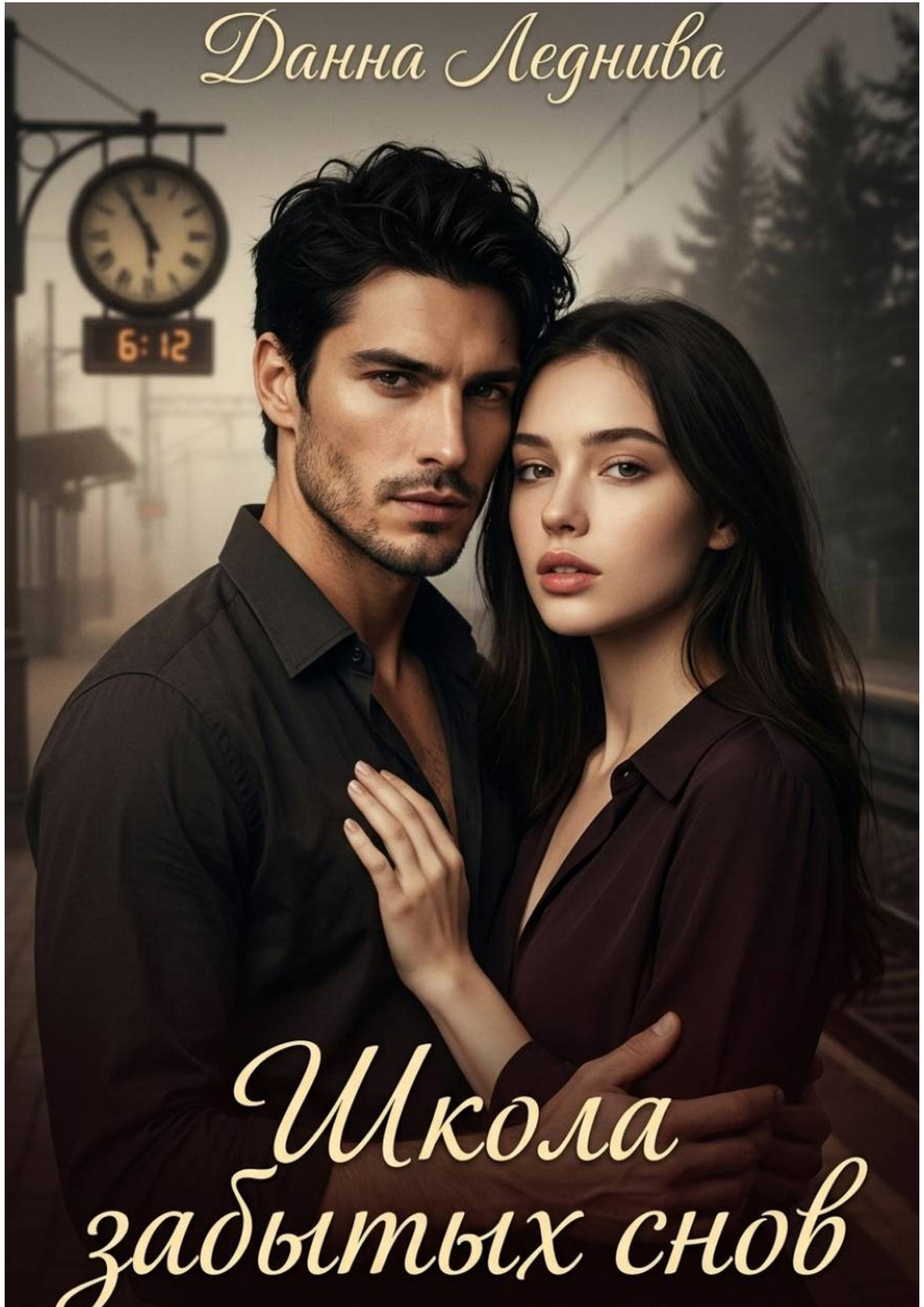
Данна Леднива



Школа забытых снов

Данна Леднива

Школа забытых снов

«Автор»

2026

Леднива Д.

Школа забытых снов / Д. Леднива — «Автор», 2026

Тору приезжает в школу «Мидори» — интернат, затерянный в лесу, куда не доходят карты. Он не помнит, как здесь оказался. Не помнит, кто он. Помнит только поезд, который дальше не идёт, и перрон с часами, застывшими на 6:12.В школе нет привычных уроков — только «Теория тишины», «Практика ожидания» и «История вещей, которых нет». Здесь у каждого есть тень, которая иногда отделяется и ходит по коридорам. Здесь девушка по имени Юки сидит на подоконнике и читает книгу без названия. Здесь по ночам кто-то стучит в дверь — три раза, медленно — и нельзя открывать.Это роман о памяти и пустоте, о поезде, который не приходит, и о выборе, который человек делает, даже когда думает, что не выбирает.

© Леднива Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Поезд, который дальше не идёт 5
Глава 3. Кофе на третьем этаже 12
Глава 4. Пустые листы 17
Глава 5. Фотография из подвала 22
Глава 6. Комната без двери 27
Глава 7. Бассейн без воды 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Данна Леднива
Школа забытых снов

Глава 1. Поезд, который дальше не идёт

Поезд остановился в шесть утра. Я проснулся от того, что кто-то тронул меня за плечо — проводник, пожилой мужчина в тёмно-синей форме, лицо которого я не запомнил, потому что оно было похоже на сотни других лиц, которые видишь в поездах и тут же забываешь. У него были руки с длинными пальцами и обручальное кольцо, которое он, судя по потёртости, носил лет тридцать. Может, больше. Может, кольцо было отца. Я не спросил.

— Дальше не идёт, — сказал он.

Я открыл глаза. За окном был туман. Не густой, а такой, какой бывает ранним утром в сентябре, когда лето уже ушло, но ещё не призналось в этом. Вагон был пуст. Только я и моя сумка — чёрная, спортивная, с которой я, кажется, не расставался уже несколько лет, хотя не помнил, когда именно её купил и что в ней лежит. Я знал, что там есть зубная щётка, смена белья и книга, которую я читал в поезде. Но как называется книга — не помнил. Такое бывает: читаешь страницу за страницей, а потом закрываешь и не можешь вспомнить ни одного слова.

— Где мы? — спросил я.

Проводник посмотрел на меня так, будто я задал вопрос, на который нет ответа. Может, так оно и было.

— Конечная, — сказал он и вышел.

Дверь закрылась за ним с мягким шипением. Я остался один. В вагоне пахло чем-то старым — не пылью, а скорее воспоминаниями о пыли. И ещё — чем-то сладковатым, может быть, чаем, который кто-то пил здесь давно и уже не пьёт. Я сидел ещё минуту, может, две, слушая тишину. Тишина была плотной, как одеяло. Не неприятной. Просто плотной.

Я посмотрел на свои руки. Они лежали на коленях, спокойные, как чужие. На левой ладони был след от ожога — маленький, круглый, давно заживший. Я не помнил, откуда он. Может, от утюга. Может, от сигареты. Я не курил. Или курил когда-то. Я не был уверен.

Потом я встал, взял сумку и вышел на перрон.

Перрон был короткий. Метров двадцать, не больше. Дальше рельсы обрывались — просто заканчивались, как будто кто-то взял ножницы и отрезал их. За рельсами начинался лес. Не тёмный, не страшный, а просто лес — с берёзами и соснами, с травой, которая уже пожелтела по краям. Где-то далеко, может быть, за лесом, может быть, нигде, шёл дождь. Я не видел его, но чувствовал запах — тот самый, который бывает после дождя, когда земля ещё тёплая, а воздух уже холодный.

На перроне стояли часы. Старые, с чугунным корпусом, с маятником, которого не было видно, но который я почему-то слышал. Они показывали 6:12. Я посмотрел на них, потом на своё запястье. Часов у меня не было. Я никогда их не носил — не потому что не любил, а потому что время в моей жизни шло как-то само по себе, без моего участия. Оно текло, как река, и я просто плыл. Иногда быстро, иногда медленно, но никогда не знал, сколько именно прошло. Может, это было плохо. Может, хорошо. Я не задумывался.

Автобус стоял у выхода с перрона. Маленький, серый, с выцветшей надписью на боку: «Мидори». Я не знал, что это значит. По-японски «мидори» — зелёный. Может, это было название места. Может, просто слово, которое кто-то когда-то выбрал и больше не менял. Я вообще мало что знал в то утро. Память была как старая плёнка — где-то чёткая, где-то порванная, а в некоторых местах просто засвеченная. Я помнил, что меня зовут Тору. Помнил, что мне семнадцать. Помнил, что у меня нет родителей — или они есть, но где-то далеко, настолько

далеко, что это не имеет значения. Помнил, что я ехал в поезде долго. Всё остальное было как туман.

Водитель спал за рулём. Голова его была запрокинута, рот приоткрыт. На приборной панели лежала газета — вчерашняя или позавчерашняя, я не разглядел. Я постучал в дверь. Он открыл глаза, посмотрел на меня, кивнул — как будто ждал именно меня, именно сейчас, — и открыл дверь.

— Садись, — сказал он.

Я сел. В автобусе было ещё несколько человек. Старуха с сумкой на коленях — в сумке что-то позвякивало, может быть, банки, может быть, что-то ещё. Парень в наушниках, с закрытыми глазами. Девушка, читавшая книгу без обложки — страницы были серые, как будто книга старая или просто много раз читанная. Никто не смотрел друг на друга. Никто не разговаривал. Мотор завёлся с третьего раза, и мы поехали.

Дорога шла через лес. Я смотрел в окно и пытался вспомнить, как я здесь оказался. Я помнил поезд. Помнил, что сел в него — где-то, когда-то. Помнил, что ехал долго. Может, день. Может, неделю. В поездах время течёт по-другому. Я помнил, что читал книгу — какую-то, неважно какую, — и что за окном менялись пейзажи: города, поля, снова города. А потом всё это кончилось, и остался только туман.

Я попытался вспомнить своё имя. Тору. Это я помнил. Тору — как «странник» по-японски, хотя я не был уверен, что это правильное значение. Просто кто-то когда-то сказал мне это, и я запомнил. Фамилию я не помнил. Может, у меня её и не было. Может, я её оставил где-то вместе с багажом. В поезде часто теряешь вещи, о которых даже не помнишь, что они у тебя были.

Автобус ехал медленно. Дорога была грунтовая, с ямами, которые водитель объезжал с закрытыми глазами — он знал их наизусть. За окном мелькали деревья, потом поляна, потом снова деревья. На поляне стоял дом — старый, деревянный, с заколоченными окнами. Я посмотрел на него и подумал: «Кто-то жил здесь. Кто-то готовил ужин, слушал радио, ругался на сквозняк. А теперь дом стоит пустой, и никто не помнит, кто в нём жил». Мне стало немного грустно. Но не сильно. Грусть была лёгкая, как облако.

Автобус остановился у ворот. Каменные столбы, железная решётка, за ней — здание. Не замок, не академия в привычном смысле. Просто здание. Трёхэтажное, серое, с большими окнами. Похожее на старую школу, каких много в провинции. Только тише. Гораздо тише. Из труб не шёл дым, во дворе не было детей, на ступенях не сидел сторож. Только тишина — плотная, как в вагоне.

Я вышел. Автобус уехал. Я остался стоять перед воротами, с сумкой в руке, и смотрел на это здание. На табличке у входа было написано: «Школа Мидори». Ниже — мелким шрифтом, почти неразборчиво: «Вход по правилам. Выход по желанию».

Я не знал, что это значит. Я вообще в то утро мало что понимал. Но почему-то эти слова меня успокоили. «Вход по правилам» — это понятно. Правила есть везде. «Выход по желанию» — это странно. Но не настолько, чтобы об этом думать. Я устал. Хотел спать. Хотел есть. Хотел, чтобы всё это оказалось сном.

Я толкнул решётку. Она открылась без скрипа. Дорожка вела к главному входу — выложенная камнем, с мокрыми листьями по краям. Дождь, видимо, прошёл недавно. Или шёл до сих пор — я не мог понять, потому что небо было серым, но дождя не было. Может, он шёл где-то рядом, за лесом. Может, просто собирался.

Внутри пахло деревом и чем-то ещё — может быть, воском, может быть, старой бумагой. Холл был большой, пустой, с высоким потолком. На стенах — фотографии. Я не стал их рассматривать. Устал. Но краем глаза заметил, что на них — люди. Много людей. Молодых, старых, улыбающихся, серьёзных. Все они стояли группами или поодиночке. Все они смотрели

в объектив. Все они, наверное, когда-то здесь учились. Или работали. Или просто проходили мимо. Я не знал.

На стойке лежал конверт с моим именем. «Тору». Только имя, без фамилии. Внутри — ключ с номером 17 и записка, написанная от руки, разборчиво, но без нажима: «Комната на втором этаже. Налево. Завтрак в восемь. Если проспишь — ничего страшного».

Я поднялся по лестнице. Она скрипела под ногами — не противно, а как-то по-домашнему. На втором этаже был длинный коридор с дверями по обе стороны. Где-то играло радио — тихо, так, что нельзя было разобрать слов. Где-то капала вода из крана. Где-то кто-то смеялся — коротко, как будто над шуткой, которую понял только он.

Второй этаж. Налево. Комната 17.

Я открыл дверь.

Комната была маленькая, но не тесная. Кровать, стол, стул, шкаф. Окно выходило на лес. На столе — лампа с зелёным абажуром и радиоприёмник. Старый, с круглой шкалой. Я включил его. Из динамика полился джаз — Bill Evans, «Waltz for Debby». Я узнал эту вещь, потому что когда-то давно у меня была кассета с этим альбомом. Или не у меня. Неважно. Музыка была тихая, мягкая, как разговор с человеком, которого давно не видел, но который всё ещё тебе близок.

Я сел на кровать. Матрас был мягкий, но не слишком. Одеяло — серое, шерстяное. Я снял кроссовки и лёг. Потолок был белый, с трещиной в углу. Трещина была похожа на реку — с изгибами и притоками. Я лежал и смотрел на неё, и мне казалось, что если долго смотреть, можно увидеть, как по ней плывут лодки. Маленькие, бумажные, с парусами из фантиков. Я не знал, откуда эта мысль. Может, из детства. Может, из сна.

Я лежал и слушал джаз. Bill Evans играл тихо, как будто боялся разбудить кого-то. За окном начался дождь. Не сильный, а такой, какой бывает осенью — монотонный, успокаивающий, без начала и конца. Я слушал, как капли стучат по стеклу, и думал о том, что, может быть, завтра всё станет понятнее. Или не станет. Это не имело значения.

Я закрыл глаза и подумал: «Наверное, я должен что-то чувствовать. Страх. Или любопытство. Или хотя бы удивление». Но не чувствовал ничего. Только усталость. И ещё — странное ощущение, что всё это уже было. Не в прошлой жизни, а просто — было. Как будто я уже лежал в этой комнате, слушал этот джаз, смотрел на эту трещину. Может, во сне. Может, в другом сне.

Я попытался вспомнить, что я ел вчера. Не смог. Позавчера? Тоже не смог. Может, я ничего не ел. Может, ел, но забыл. В поездах еда — это просто способ убить время. Ты ешь, потому что надо, а не потому что хочешь. Я помнил вкус кофе — горький, с молоком. Помнил, как держал чашку в руках, и она была тёплая. Но где это было — не помнил. Может, в поезде. Может, в другом месте. Может, в другой жизни.

За окном стемнело. Джаз кончился. Радио замолчало. Дождь всё ещё шёл. Я лежал и слушал его и думал о том, что, наверное, надо встать и поесть. Но не встал. Просто лежал.

Я не помнил, как заснул. Просто в какой-то момент джаз кончился, и стало тихо. Я слушал дождь и думал о том, что, может быть, завтра всё станет понятнее. Или не станет. Это не имело значения.

Я спал без снов. Или со снами, которые не запомнил. Проснулся я от того, что кто-то стучал в дверь. Три раза. Медленно. Я не открыл. Не потому что боялся, а потому что не хотел. Стук повторился. Три раза. Потом — тишина. Я лежал и смотрел в потолок. Трещина всё ещё была на месте. Дождь всё ещё шёл. Bill Evans всё ещё играл — или мне это только казалось.

Я повернулся на бок и снова закрыл глаза. Утро было где-то далеко. Школа Мидори стояла в тумане. Поезд, который дальше не идёт, остался позади. Всё было странно, но не настолько, чтобы об этом думать.

Глава 2. Расписание абсурда

Я проснулся в семь. Не от будильника — его у меня не было, — а от света. Солнце пробивалось через занавеску, серую и тонкую, и рисовало на полу косые полосы. Дождь кончился. За окном лес стоял мокрый, блестящий, как будто его только что вынули из воды и положили сушиться.

Я лежал ещё минуту, вспоминая, где я. Комната 17. Школа Мидори. Тору. Всё сходилось. Я сел на кровати и потёр лицо ладонями. Во рту было сухо. В голове — пусто, но не неприятно. Как будто кто-то аккуратно вынес все мысли, оставив только белые стены.

Я умылся в общей ванной в конце коридора. Вода была холодная, и это помогло. Зеркало над раковиной было мутное, с трещиной в правом нижнем углу. Я посмотрел на своё отражение. Лицо как лицо. Волосы короткие, чёрные, немного взъерошенные. Глаза — обычные. Ничего особенного. Я не знал, что именно искал в зеркале, но не нашёл. Может, и не искал.

Оделся я в то же, в чём приехал: серые брюки, тёмная рубашка, кроссовки. Сумка стояла у кровати, и я заглянул в неё. Внутри были: зубная щётка, паста, две пары носков, свитер, книга без названия — обложка была оторвана, — и маленький пакет с печеньем. Печенье было старое, но я съел одно. Оно оказалось неожиданно вкусным — с корицей и чем-то ещё, похожим на миндаль.

Я вышел в коридор. Двери комнат были закрыты. Из-под одной тянуло сигаретным дымом. Из-под другой — запахом кофе. Я пошёл по коридору, не зная точно, куда иду, но полагая, что столовая должна быть где-то внизу.

Столовая была на первом этаже. Большой зал с длинными столами и стульями с высокими спинками. Пахло рисом, мисо и чем-то жареным. Народу было немного — человек десять, может, пятнадцать. Все сидели поодиночке или маленькими группами. Никто не разговаривал громко. Слышно было только, как стучат палочки о тарелки и как шипит что-то на кухне.

Я взял поднос и встал в очередь. Повар — толстый мужчина в белом фартуке — накладывал рис и рыбу. Он посмотрел на меня и кивнул, как будто мы были знакомы. Я кивнул в ответ. Он положил мне дополнительный кусок рыбы. Я не спросил почему.

Сел за стол у окна. За окном был двор — квадрат земли с чахлой травой и одним деревом. Дерево было старое, с толстым стволом и ветвями, которые торчали в стороны, как руки. На ветке сидела ворона. Она смотрела на меня. Я посмотрел на неё. Мы смотрели друг на друга, пока я ел. Рыба была вкусная — соль и немного лимона. Рис был рассыпчатый, не переваренный. Мисо — тёплый, с тофу и водорослями.

Когда я доел, ворона всё ещё сидела на ветке. Я убрал поднос и пошёл искать расписание. Оно висело на доске в холле — лист бумаги, приколотый кнопками. Я подошёл и стал читать.

Расписание было странное.

Понедельник:

- 9:00 — Теория тишины (ауд. 4)
- 11:00 — Практика ожидания (ауд. 7)
- 14:00 — История вещей, которых нет (ауд. 2)

Вторник:

- 9:00 — Как слушать то, что не говорит (ауд. 1)
- 11:00 — Введение в забывание (ауд. 5)
- 14:00 — Сны и их обитатели (ауд. 3)

Среда:

●

9:00 — Практическая магия (ауд. 8)

●

11:00 — Тени и их поведение (ауд. 6)

●

14:00 — Свободное время (нигде)

Я стоял и смотрел на этот лист. Читал его снова и снова. Названия предметов не становились понятнее. «Теория тишины». «Практика ожидания». «История вещей, которых нет». Я подумал, что это, может быть, шутка. Но почерк был ровный, чернила выцветшие, бумага пожелтевшая по краям. Лист висел здесь давно.

— Ты новенький, — сказал голос за спиной.

Я обернулся. Передо мной стоял парень. Высокий, худой, с длинными волосами, которые падали на глаза. На нём была мятая рубашка и шорты — хотя на улице было прохладно. Он улыбался — не широко, а скорее уголком рта. В руке он держал чашку. Из чашки пахло кофе.

— Тору, — сказал я.

— Знаю, — сказал он. — Все знают. Ты приехал вчера. Поезд, автобус, ворота. Комната 17. Всё как обычно.

— А ты?

— Крыса, — сказал он.

— Это имя?

— Это то, что есть, — сказал он. — Имя — это просто звук, который произносят, когда хотят тебя позвать. Меня зовут Крыса. Тебя зовут Тору. Пойдём, покажу тебе школу. Всё равно до девяти ещё есть время.

Он пошёл, не оборачиваясь. Я пошёл за ним. Мы вышли из холла и пошли по коридору. Коридор был длинный, с окнами по одной стороне и дверями по другой. За окнами был лес. В коридоре было тихо.

— Расписание тебя удивило, — сказал Крыса. Это был не вопрос.

— Да.

— Все удивляются. Первую неделю. Потом привыкают. Потом забывают, что когда-то удивлялись. Так здесь всё работает.

— Что значит «Теория тишины»?

— Ровно то, что написано, — сказал Крыса. — Теория тишины. Сидишь и слушаешь тишину. Потом записываешь то, что услышал. Если ничего не услышал — тоже записываешь. Преподаватель — Кадзи. Он странный, но не опасный. Пьёт виски из термоса. Говорит загадками. Никогда не отвечает на вопросы прямо.

— А «История вещей, которых нет»?

— Это про то, чего не существует. Но что могло бы. Или что существует, но мы не знаем. Например, ты не знаешь, что у тебя есть хвост. Но он есть. Просто ты его не видишь. Вот об этом предмет.

Я подумал, что Крыса шутит. Но он не шутил. Лицо у него было серьёзное, только глаза улыбались — как будто он знал что-то, чего не знал я.

Мы прошли мимо библиотеки. Дверь была открыта, и я увидел внутри стеллажи с книгами, столы, лампы. За одним из столов сидела девушка. Короткие волосы, тёмная одежда. Она читала книгу без обложки — точь-в-точь такую же, как у меня в сумке. Я не стал задерживаться. Мы пошли дальше.

— Это Юки, — сказал Крыса. — Она здесь дольше всех. Никто не помнит, когда она пришла. Она не выпускается. Говорят, она вообще никогда не выпустится. Но она не злая. Просто странная. Как и всё здесь.

Мы вышли во двор. Трава была мокрая, и мы шли по дорожке. Ворона всё ещё сидела на дереве. Или это была другая ворона. Я не мог отличить.

— Ты знаешь, почему школа называется Мидори? — спросил Крыса.

— Нет.

— Никто не знает. Но это красивое слово. Зелёный. Лес. Что-то живое. Мне нравится.

Он допил кофе и поставил чашку на подоконник. Чашка осталась стоять там — одинокая, с тёмным пятном на дне.

— Пора, — сказал он. — Теория тишины. Аудитория 4. Не опаздывай. Кадзи не любит, когда опаздывают. Но и не любит, когда приходят вовремя. Так что приходи за минуту до звонка.

Он пошёл в другую сторону. Я остался стоять во дворе. Ворона смотрела на меня. Я посмотрел на неё. Потом пошёл в здание.

Аудитория 4 была на первом этаже. Дверь была приоткрыта. Я заглянул внутрь. Комната была небольшая, с рядами стульев и столом у окна. За столом сидел мужчина. Лет пятидесяти, может, больше. Седые волосы, очки в тонкой оправе, свитер с высоким воротом. На столе перед ним стоял термос. Рядом — чашка. Из чашки пахло виски.

Он посмотрел на меня.

— Тору, — сказал он. — Садись.

Я сел на первый ряд. Кроме меня, в аудитории никого не было.

— Ты пришёл один, — сказал он. — Обычно в первый день приходит больше. Но это не важно. Тишина не зависит от количества людей. Иногда наоборот — чем меньше людей, тем тише.

Он налил себе виски. Не предложил мне. Я не обиделся.

— Сегодня мы будем слушать тишину, — сказал он. — Ты будешь сидеть и слушать. Я тоже буду сидеть и слушать. Потом ты расскажешь мне, что услышал. Если ничего не услышишь — скажешь, что ничего не услышал. Это тоже ответ.

Он посмотрел на часы. Потом на меня.

— Начинаем.

Он замолчал. Я тоже замолчал. В комнате стало тихо. Не просто тихо — а так, как бывает только в старых зданиях, где стены толстые, а окна закрыты. Тишина была не пустая. В ней что-то было. Я не мог понять что. Я сидел и слушал.

Сначала я слышал только своё дыхание. Потом — как бьётся сердце. Потом — как где-то далеко капает вода. Потом — как скрипит дерево. Потом — как дышит Кадзи. Потом — как тишина становится плотнее, как будто кто-то накрывает меня одеялом.

Я сидел так час. Может, больше. Время в тишине идёт по-другому. Когда Кадзи наконец заговорил, я вздрогнул.

— Что ты услышал?

Я подумал.

— Воду, — сказал я. — Дерево. Себя.

— Хорошо, — сказал он. — Ты услышал главное. Себя. Остальное — декорации. Иди. Завтра в то же время.

Я встал и пошёл к двери. У порога я обернулся.

— А что вы услышали?

Кадзи посмотрел на меня. Потом налил ещё виски. Потом сказал:

— То же самое. Но по-другому. Иди.

Я вышел. В коридоре было пусто. Я пошёл в столовую. Обед ещё не начался, но повар дал мне чашку чая и рисовый шарик. Я сел у окна. Ворона всё ещё была на дереве. Или это была другая ворона.

После обеда была «Практика ожидания». Аудитория 7. Я пришёл за минуту до звонка. Внутри уже сидели несколько человек. Крыса сидел на последнем ряду и махал мне рукой. Я сел рядом с ним.

— Как прошло? — спросил он.

— Тихо.

— Это хорошо. Кадзи любит тишину. Он сам из тишины сделан.

Преподаватель «Практики ожидания» была женщина. Молодая, с длинными волосами, в очках. Она не сказала нам ни слова. Просто вошла, села за стол и стала смотреть в окно. Мы сидели и ждали. Никто не разговаривал. Никто не двигался. Просто ждали.

Я не знал, чего мы ждём. Но ждал вместе со всеми. Через час она встала и вышла. Никто не сказал ни слова. Крыса толкнул меня локтем.

— Пойдём. Урок кончился.

— Что это было?

— Практика ожидания. Мы ждали. Ты ждал. Все ждали. Никто не знает, чего именно. Но это не важно. Важен процесс.

Последний урок — «История вещей, которых нет». Аудитория 2. Преподаватель — старик с длинной бородой. Он рассказывал про город, которого нет на карте. Про реку, которая течёт вспять. Про дерево, которое растёт вниз. Я слушал и не понимал, шутит он или говорит серьёзно. Потом понял, что это не имеет значения. Всё, что он говорил, было правдой — просто не в том смысле, к которому я привык.

После уроков я вернулся в комнату. Сел на кровать. Включил радио. Играл джаз — не Bill Evans, что-то другое, но похожее. Я лежал и смотрел в потолок. Трещина всё ещё была на месте. Я думал о том, что прошёл первый день. Ничего не произошло. И в то же время произошло всё.

В дверь постучали. Три раза. Медленно. Я не открыл. Просто лежал. Стук повторился. Потом — тишина. Я закрыл глаза. Джаз играл тихо. Дождь начинался снова. Или мне это только казалось.

Глава 3. Кофе на третьем этаже

Дождь начался ночью и не кончился к утру. Я лежал и слушал, как вода стучит по подоконнику — не ровно, а с паузами, как будто кто-то стучал азбукой Морзе, но забыл, что хотел передать. Потолок был серый. Трещина в углу стала глубже — или мне казалось. Я не вставал долго. Может, час. Может, два. В школе Мидори утро не имело чёткой границы. Оно просто было — как воздух, который не замечаешь, пока не станет трудно дышать.

Я лежал и думал о том, что снилось мне ночью. Ничего не снилось. Или снилось, но я не запомнил. Сны в Мидори были как вода — наберёшь в ладони, а через секунду уже пусто. Может, в этом был смысл. Может, сны здесь не для того, чтобы их помнить, а для того, чтобы они просто были. Как дождь. Как трещина. Как голос, который я ещё не слышал, но который уже ждал меня где-то в стенах.

Я встал. Ноги были холодные. Пол — тоже. Я надел носки, которые нашёл в сумке — серые, с дыркой на пятке. Я не помнил, откуда они. Но они были мои. Это я знал точно.

Оделся я в то же, что и вчера: тёмные брюки, рубашка, свитер. Свитер пах чем-то старым — не потом, а скорее пылью, которая лежала в нём годами. Я не стирал его. Не потому что не хотел, а потому что не знал, где здесь стирают. В Мидори вообще многое было неясно. Где стирают. Где гладят. Где хранят вещи, которые никому не нужны. Может, нигде. Может, всё это было где-то за стеной — в комнате, которую никто не видел, но все знали, что она есть.

Я вышел в коридор. Лампы горели через одну, и от этого коридор казался длиннее, чем был. Я шёл и считал двери. Тринадцать. Четырнадцать. Пятнадцать. На шестнадцатой остановился. Из-под неё пахло чем-то сладким — не едой, а скорее духами, которые давно выдохлись. Или цветами, которые засушили и забыли. Я постоял. Прислушался. Ничего. Только дождь. Пошёл дальше.

В столовой было пусто. Повар сидел на табурете и чистил картошку. Он посмотрел на меня и молча кивнул на кастрюлю. Я взял тарелку. В кастрюле была лапша — тонкая, бледная, с зелёным луком. Я сел у окна и стал есть. Лапша была горячая, но не обжигала. Я ел медленно. В столовой пахло варёным рисом и немного — рыбой, которую готовили вчера. Запахи в Мидори держались долго. Иногда казалось, что они не выветриваются вообще, а просто наслаиваются друг на друга — как пласты земли.

Ворона на дереве сидела под дождём. Перья намокли и торчали в стороны. Она не пряталась. Просто сидела. Я смотрел на неё и думал о том, что, наверное, вороны не боятся дождя. Или боятся, но не показывают. Люди тоже так умеют. Особенно здесь.

Я доел лапшу и поставил тарелку на стойку. Повар кивнул. Я кивнул в ответ. Мы не разговаривали. В Мидори вообще мало разговаривали. Не потому что не хотели, а потому что слова здесь были не нужны. Или нужны, но не те, которые мы привыкли говорить.

После завтрака я пошёл не на урок, а на третий этаж. Не потому что хотел прогулять — просто ноги сами понесли. Третий этаж в школе Мидори был другим. Тише. Темнее. Лампы здесь горели ещё реже, а окна были занавешены плотной тканью — серой, пыльной, с пятнами. Я шёл по коридору и чувствовал, что здесь давно никто не ходил. Пыль лежала на полу ровным слоем, и мои шаги оставляли следы. Как на снегу. Я обернулся и посмотрел на них. Цепочка следов — от лестницы до середины коридора. Дальше я ещё не прошёл.

Я постоял. В коридоре было тихо. Даже дождь здесь был тише — как будто стены не пропускали его звук. Я посмотрел на следы. Они были ровные, одинаковые — как от обуви, которая не знает, куда идёт, но всё равно идёт. Я не знал, зачем я здесь. Но чувствовал, что это важно. Как будто третий этаж ждал меня. Или кто-то на третьем этаже ждал.

Я пошёл дальше. Двери здесь были закрыты — все. Я не стал их открывать. Просто шёл и смотрел на номера. 31. 32. 33. На тридцать четвёртой двери была табличка. Я не разобрал,

что на ней написано. Буквы выцвели. Я потрогал табличку пальцем. Пыль. Густая, как войлок. Я не стал её стирать.

Кухня была в конце коридора. Я узнал её по запаху — кофе. Не тот, который варят в столовой, а другой — тёмный, немного горький, с чем-то металлическим. Я открыл дверь. Маленькая комната с одной плитой, раковиной и шкафом. На плите стояла медная турка. Рядом — банка с кофе. Молотый, тёмный, пахнет сильно и немного горько. Я взял турку. Она была тёплая — как будто кто-то только что её держал. Я посмотрел на плиту. Газ был выключен. Я потрогал турку ещё раз. Тёплая. Я не стал об этом думать. Просто насыпал кофе, налил воды, зажёг спичку. Спичка сломалась. Вторая загорелась. Газ зашумел синим.

Я стоял и смотрел на огонь. В кухне было тихо. Холодильник гудел — старый, с округлыми углами, с ручкой, обмотанной изолентой. Я ждал, когда кофе поднимется. Пена появилась быстро. Я убрал турку. Налил в чашку. Без сахара. Я не помнил, почему без сахара. Просто знал, что так надо. Как будто кто-то сказал мне это давно, а я забыл, кто именно.

Я сделал глоток. Горько. Горячо. Металлический привкус на дне. Я сделал второй глоток. И тогда услышал.

Голос. Женский. Не слова — а дыхание. Как будто кто-то стоял за спиной и дышал тихо, с паузами. Я обернулся. Никого. Я посмотрел в коридор. Пусто. Я снова обернулся к плите. Голос не повторился. Но я его слышал. Отчётливо. Я не мог ошибиться.

Я сел на табурет. Поставил чашку на стол. Стол был деревянный, с царапинами. Я стал смотреть на царапины. Их было много. Кто-то когда-то водил по столу ножом — или вилкой. Может, от скуки. Может, от злости. Может, просто так. Я водил пальцем по царапинам и думал о том, что голос был не снаружи, а внутри. Не в комнате. Во мне. Как будто кто-то, кто жил во мне давно, проснулся и сказал одно слово. Я не разобрал какое. Может, моё имя. Может, чужое. Может, слово, которого нет ни в одном языке.

Я допил кофе. Встал. Вымыл чашку. Поставил её на место. Турку — тоже. Я не знал, кому здесь принадлежат вещи. Но чувствовал, что если не поставлю на место, что-то изменится. Не в комнате. Во мне.

Я вышел в коридор. Следы на пыли остались. Только теперь их было больше — не только мои. Рядом с моими были другие. Маленькие. Босые. Как будто кто-то ходил здесь босиком. Я посмотрел на них. Они вели к лестнице. Я пошёл по ним. Они кончились у перил. Дальше — ничего. Я стоял и смотрел вниз. Лестница была пустая. Я не стал спускаться. Просто пошёл в свою комнату.

По дороге я встретил Крысу. Он стоял у окна на втором этаже и смотрел на лес. В руке у него была чашка — пустая, с тёмным пятном на дне. Он обернулся, когда я подошёл.

— Ты был на третьем, — сказал он. Это был не вопрос.

— Да.

— Варил кофе.

— Да.

Крыса кивнул. Посмотрел в окно. Дождь всё ещё шёл. Лес стоял мокрый, тёмный, но не страшный. Просто лес.

— Я тоже туда ходил, — сказал он. — В первый месяц. Каждый день. Варил кофе. Слушал. Потом перестал.

— Почему?

— Потому что услышал, — сказал он. — Всё, что хотел. И больше не захотел.

Он улыбнулся — уголком рта.

— Ты слышал её?

— Её?

— Голос. Женский. Не говорит. Просто дышит.

Я помолчал.

— Слышал.

— Хорошо. Значит, ты уже не просто здесь. Ты — здесь. Разница есть.

Он допил чашку — там ничего не было, но он всё равно допил — и поставил её на подоконник. Чашка осталась стоять. Одинокая. С тёмным пятном.

— Пойдём, — сказал он. — Сегодня «Сны и их обитатели». Кадзи не любит, когда опаздывают. Хотя сам всегда опаздывает.

Мы пошли по коридору. По дороге Крыса рассказывал про то, как в подвале есть комната, в которой никто не был, но все знают, что она есть. Про то, как на чердаке живёт кот, который не мяукает, но поёт. Про то, как в библиотеке есть книга, которую никто не читал, но все помнят наизусть. Я слушал и кивал. Иногда он останавливался и смотрел на меня — проверял, слушаю ли. Я слушал.

«Сны и их обитатели» проходили в аудитории 3. Преподаватель — женщина с длинными волосами и очками. Она не сказала нам ни слова. Просто вошла, села за стол и стала смотреть в окно. Мы сидели и ждали. Никто не разговаривал. Никто не двигался. Просто ждали. Через час она встала и вышла. Никто не сказал ни слова. Крыса толкнул меня локтем.

— Пойдём. Урок кончился.

— Что это было?

— Сны и их обитатели. Мы смотрели в окно. Ты смотрел. Все смотрели. Никто не знает, что именно. Но это не важно. Важен процесс.

После урока я пошёл в библиотеку. Юки сидела на подоконнике. Книга без названия лежала рядом. Она смотрела в окно. Я подошёл.

— Ты слышал её, — сказала она, не оборачиваясь.

— Да.

— Это хорошо. Значит, ты уже не чужой. Чужие не слышат. Они слышат только себя.

Она повернулась. Глаза у неё были спокойные, как вода в глубоком колодце.

— Но это и плохо, — сказала она. — Потому что теперь ты будешь слышать её всегда. Ночью. Утром. Когда ешь. Когда спишь. Она не уйдёт. Она никогда не уходит. Просто иногда молчит.

— Кто она?

Юки улыбнулась. Не широко — уголком рта.

— Ты уже спрашивал. И я уже отвечала. Ты не помнишь?

Я не помнил. Или помнил, но не хотел помнить. Это одно и то же.

— Никто, — сказала она. — Или все. Это одно и то же.

Она взяла книгу и открыла её. Разговор был кончен. Я вышел из библиотеки. Ворона на дереве сидела под дождём. Или это была другая ворона. Я не мог отличить. Я посмотрел на неё. Она посмотрела на меня. Где-то далеко играло радио. Bill Evans. Или кто-то, кто играл как он.

Я вернулся в комнату. Лёг. Закрыл глаза. Голос был рядом. Не говорил. Просто дышал. Я слушал его и думал о том, что, может быть, это и есть школа. Не здание. Не уроки. Не люди. А голос, который дышит рядом. И ты не знаешь, чей он. И не узнаешь. Но он есть. И это — главное.

Я лежал долго. Дождь кончился. Небо стало серым, но не белым — как будто кто-то выключил свет, но не до конца. Я встал. Подошёл к окну. Лес стоял мокрый, блестящий, как будто его только что вынули из воды и положили сушиться. Ворона улетела. Или это была другая ворона. Я не знал.

Я включил радио. Играл джаз — медленный, с саксофоном. Я слушал и смотрел в потолок. Трещина была на месте. Река с притоками. Лодки с бумажными парусами. Я не знал, откуда эти мысли. Просто они приходили — тихо, как гости, которых не ждал, но которым рад.

Я, наверное, задремал. Потому что не услышал, как в дверь постучали. Первый раз. Три удара. Медленных. Я открыл глаза. В комнате было темно. Радио молчало. Я лежал и слушал

тишину. Потом — снова. Три удара. Медленных. Я не встал. Не потому что боялся. А потому что знал, что не надо. Это было не для меня. Или для меня — но не сейчас.

Стук не повторился. Я лежал и смотрел в потолок. Трещина была на месте. Но что-то изменилось. Я не мог понять что. Просто чувствовал — как будто кто-то прошёл мимо, не задев, но оставив след. Невидимый. Но я его чувствовал.

Утром я встал раньше обычного. Дождь не шёл. Небо было серым, но сухим. Я оделся и вышел в коридор. Крыса стоял у окна. Смотрел на лес. Я подошёл.

— Ты слышал? — спросил он, не оборачиваясь.

— Что?

— Стук. Ночью. Три раза.

— Слышал.

— Ты не открыл.

— Не открыл.

Крыса повернулся ко мне. Лицо у него было спокойное, но в глазах — что-то другое. Не страх. Скорее — знание. Как у человека, который знает то, что не хочет знать.

— Правильно, — сказал он. — Если бы открыл — было бы хуже. Она бы вошла. И осталась. А так — она знает, что ты здесь. Но не может войти. Пока.

— Кто она?

Крыса покачал головой.

— Не знаю. Никто не знает. Она приходит ко всем. В первую неделю. Стучит три раза. Если откроешь — забирает что-то. Что-то важное. Что-то, что ты не хотел отдавать. Но отдашь. Потому что не сможешь не отдать.

— А если не открывать?

— Тогда она уходит. Но возвращается. Каждую ночь. Три удара. Пока ты не откроешь. Или пока не уйдёшь. Или пока не станешь таким, как она.

Он замолчал. Посмотрел в окно. Лес стоял мокрый, тёмный, но не страшный. Просто лес.

— Ты не бойся, — сказал Крыса. — Ты не открывай. И всё. Она не любит, когда не открывают. Но ничего не делает. Просто ждёт. Ждать она умеет.

Он улыбнулся — уголком рта.

— Пойдём завтракать. Сегодня должны давать рис с рыбой. По четвергам всегда рис с рыбой. Если не рис — значит, что-то случилось.

Мы пошли в столовую. По дороге Крыса рассказывал про то, как в подвале есть бассейн без воды. Про то, как на чердаке живёт кот, который не мяукает, но поёт. Про то, как в библиотеке есть книга, которую никто не читал, но все помнят наизусть. Я слушал и кивал. Иногда он останавливался и смотрел на меня — проверял, слушаю ли. Я слушал.

Рис с рыбой действительно давали. Рыба была жареная, с хрустящей корочкой. Рис — рассыпчатый, с нори. Я ел и думал о том, что сказал Крыса. Про стук. Про то, что она возвращается. Про то, что ждёт. Я не боялся. Не потому что был смелый. А потому что не понимал, чего бояться. Стук в дверь — это просто стук. Три удара. Медленных. Я не открыл. И не открою.

После завтрака я пошёл в библиотеку. Юки сидела на подоконнике. Книга без названия лежала рядом. Она смотрела в окно. Я подошёл.

— Ты слышал, — сказала она, не оборачиваясь.

— Да.

— Не открыл.

— Нет.

— Хорошо. Пока — хорошо. Но она вернётся. Сегодня. Завтра. Каждую ночь. Ты должен быть готов.

— К чему?

Юки повернулась. Глаза у неё были спокойные, как вода в глубоком колодце.

— К тому, что однажды ты захочешь открыть, — сказала она. — Не потому что она попросит. А потому что ты сам захочешь. Тогда — всё изменится. Но это будет твой выбор. Не её.

Она взяла книгу и открыла её. Разговор был кончен. Я вышел из библиотеки. Ворона сидела на дереве. Сухая. Или это была другая ворона. Я посмотрел на неё. Она посмотрела на меня. Где-то далеко играло радио. Bill Evans. Или кто-то, кто играл как он.

Я вернулся в комнату. Лёг. Закрыл глаза. Поезд всё ещё шёл где-то во мне. Или это было моё сердце. Я не мог отличить. И не хотел.

Глава 4. Пустые листы

Дождь кончился к утру, но воздух остался мокрым. Таким, что рубашка прилипала к телу, хотя я только что надел её. Я стоял у окна и смотрел на лес. Деревья были тёмные, почти чёрные от влаги, и каждое из них казалось тяжелее, чем должно быть. Ветки провисали, как будто не могли держать собственный вес. Где-то между стволами висел туман — не густой, а рваный, клочьями. Как будто кто-то разорвал облако на части и разбросал по лесу.

Я не спал почти всю ночь. Лежал и слушал. Дождь стучал по стеклу, и в этом стуке мне слышался ритм — не хаотичный, а размеренный, как метроном. Я считал удары. Досчитал до тысячи. Потом сбился. Потом начал заново. Потом перестал считать. Просто лежал и слушал. Голос — тот самый, женский — не возвращался. Но я чувствовал его присутствие. Как чувствуешь человека в тёмной комнате, даже если он не говорит.

Утром я умылся, оделся и пошёл в столовую. По дороге я заметил, что коридор стал другим. Не изменился — а именно стал другим. Свет был мягче. Тени длиннее. Стены как будто отодвинулись на пару сантиметров. Я не мог этого объяснить. Просто чувствовал.

В столовой было больше народу, чем обычно. Студенты сидели группами — по двое, по трое. Некоторые разговаривали. Некоторые молчали. Но было в них что-то общее — они все смотрели в одну сторону. На дверь. Как будто ждали кого-то. Или чего-то.

Я взял поднос. Сегодня давали овсянку. Густую, серую, с ложкой мёда. Я не любил овсянку. Но взял. Мёд был липовый, с горчинкой. Я ел и смотрел в окно. Ворона на дереве — или другая ворона — сидела неподвижно. Перья высохли и топорщились. Она была похожа на маленького серого человека в пальто.

После завтрака я пошёл на «Теорию тишины». По дороге встретил Крысу. Он стоял у окна на втором этаже и смотрел на лес. В руке у него была чашка — пустая, с тёмным пятном на дне.

— Ты видел? — спросил он, не оборачиваясь.

— Что?

— В столовой. Все смотрели на дверь.

— Видел.

— Это потому что сегодня — день пустых листов.

— Что это значит?

Крыса повернулся. Лицо у него было спокойное, но глаза — необычно серьёзные.

— Сегодня Кадзи даст вам листы и попросит написать то, что вы забыли. Это бывает раз в семестр. Все ждут. Потому что никто не знает, что напишет. И что будет после.

— А что будет после?

— Никто не знает. Каждый раз по-разному. Кто-то уходит. Кто-то остаётся. Кто-то забывает что-то важное. Кто-то вспоминает. Но никто не остаётся прежним.

Он допил чашку — там ничего не было, но он всё равно допил — и поставил её на подоконник. Чашка осталась стоять. Одинокая. С тёмным пятном.

— Пойдём, — сказал он. — Не хочу опоздать.

Аудитория 4 была полна. Я насчитал двенадцать человек — больше, чем когда-либо. Они сидели на стульях, на подоконниках, на полу. Никто не разговаривал. Все смотрели на стол, за которым сидел Кадзи. Перед ним лежала стопка листов — белых, пустых. Термос стоял рядом. Чашка была полна.

Я нашёл место у стены. Крыса сел рядом.

Кадзи встал. Он был сегодня другой — не сонный, как обычно, а собранный. Как будто ждал этого дня давно и готовился к нему.

— Сегодня, — сказал он, — мы будем писать.

Он раздал листы. Каждому — по одному. Листы были плотные, чуть шероховатые на ощупь. Такие бывают в старых блокнотах, которые долго лежали на полке. Я взял свой. Он был холодный. Как будто только что из подвала.

— Напишите то, что вы забыли, — сказал Кадзи.

Мы сидели и смотрели на него. Никто не взял ручку.

— Я серьёзно, — сказал он. — Напишите то, что вы забыли. Не то, что помните. Не то, что хотите помнить. То, что забыли. То, что было — и ушло. То, что вы потеряли, но не заметили, как потеряли.

Он налил себе виски. Выпил. Посмотрел в окно. Дождь не шёл, но небо было серым. Как будто дождь задержался где-то на полпути.

Я взял ручку. Она была старая, с погрызенным колпачком. Я посмотрел на лист. Белый. Пустой. Я подумал: что я забыл? И не смог ответить. Я помнил поезд. Помнил вокзал. Помнил ворота школы. Помнил Юки. Помнил Крысу. Помнил вкус кофе. Но что я забыл — не знал. Забытое не помнишь. В этом весь смысл.

Я сидел и смотрел на лист. Ручка дрожала в руке. Я не мог написать ни слова. Не потому что не хотел, а потому что не знал, что писать. Внутри была пустота. Не чёрная, не страшная — просто пустота. Как этот лист. Белая. Ровная. Без единой строчки.

Крыса рядом писал быстро. Его ручка скрипела по бумаге. Я не смотрел, что он пишет. Не хотел. Или боялся. Я не знал.

Прошёл час. Может, больше. В аудитории было тихо. Только скрип ручек и дыхание. Я смотрел на свой лист. Он оставался пустым. Я не написал ни слова. Я честно пытался. Я закрывал глаза и ждал, что что-то придёт. Но ничего не приходило. Только пустота. Тёплая, спокойная, как одеяло.

Кадзи встал.

— Достаточно, — сказал он. — Сдайте листы.

Мы сдали. Я отдал свой пустым. Кадзи взял его, посмотрел. Не удивился. Не расстроился. Просто кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Ты честный. Это редкость.

Он положил мой лист в стопку. Сверху. Я видел, что листы других были исписаны. Мелко, густо, с обеих сторон. Крыса написал больше всех. Я не спросил, что именно. Не моё дело.

После урока я вышел в коридор. Крыса догнал меня.

— Ты ничего не написал, — сказал он. Это был не вопрос.

— Нечего было.

— Хорошо. Значит, ты ещё не потерял ничего важного. Или потерял всё сразу. Это одно и то же.

— А ты что написал?

Крыса остановился. Посмотрел на меня. Глаза у него были серьёзные, без обычной улыбки.

— Своё имя, — сказал он. — Я написал своё имя. Потому что я его забыл. Давно. Может, год назад. Может, десять лет. Я не помню, когда забыл. Помню только, что оно было. И что теперь его нет.

— Как тебя зовут?

— Крыса, — сказал он. — Но это не имя. Это то, что осталось. Имя — это другое. Имя — это то, что дали тебе родители. А я не помню, кто они. И были ли они. Может, меня нашли в коробке. Может, я вырос из стены. Не знаю.

Он улыбнулся — уголком рта, как всегда.

— Но это не важно. Здесь никто не помнит своего имени. Кроме тебя. Ты — Тору. Это уже много. Держись за это.

Он пошёл дальше по коридору. Я стоял и смотрел ему вслед. Потом пошёл в столовую. Обед был — суп с лапшой и варёное яйцо. Я ел медленно. Ворона на дереве спрятала голову под крыло. Или это была другая ворона.

После обеда была «История вещей, которых нет». Старик с бородой рассказывал про город, которого нет на карте. Про дома, которые стоят на воде. Про улицы, которые меняют направление каждую ночь. Я слушал и не понимал, шутит он или говорит серьёзно. Потом перестал различать. Всё, что он говорил, было правдой — просто не в том смысле, к которому я привык.

После урока я пошёл в библиотеку. Юки сидела на подоконнике. Книга без названия лежала рядом. Она смотрела в окно.

— Ты ничего не написал, — сказала она, не оборачиваясь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты стоишь здесь. Если бы написал — пошёл бы в свою комнату. Или ушёл бы совсем. А ты пришёл сюда. Значит, ничего не написал.

Я сел напротив. Она не смотрела на меня. Просто смотрела в окно.

— Что ты видишь? — спросил я.

— Лес. Дождь. Ничего.

— Зачем ты смотришь?

— Потому что иногда там что-то появляется. Дверь. Или окно. Или человек. Которого нет. Я смотрю и жду. Иногда дожидаюсь.

— А сегодня?

— Сегодня — нет. Сегодня просто лес.

Она повернулась ко мне. Глаза у неё были спокойные, как вода в глубоком колодце.

— Ты не написал, потому что ещё не потерял. Это хорошо. Но это и плохо. Потому что потерять придётся. Все теряют. Рано или поздно. Ты тоже потеряешь. И тогда вспомнишь этот лист. И поймёшь, что надо было написать.

— Что надо было написать?

— То, что ты забыл. Но ты не помнишь. В этом весь фокус. Ты не можешь вспомнить то, что забыл. Ты можешь только почувствовать. Что что-то было. И ушло. И ты не заметил.

Она взяла книгу и открыла её. Разговор был кончен. Я вышел из библиотеки. Ворона сидела на дереве. Сухая. Или это была другая ворона. Я посмотрел на неё. Она посмотрела на меня. Где-то далеко играло радио. Bill Evans. Или кто-то, кто играл как он.

Я вернулся в комнату. Лёг. Закрыл глаза. Лист стоял передо мной — белый, пустой. Я видел его даже с закрытыми глазами. Он был как экран. И на нём ничего не было. Я лежал и смотрел на этот экран. И ждал. Чего — не знал. Просто ждал.

Вечером я включил радио. Играл джаз — медленный, с саксофоном. Я слушал и смотрел в потолок. Трещина была на месте. Река с притоками. Лодки с бумажными парусами. Я не знал, откуда эти мысли. Просто они приходили — тихо, как гости, которых не ждал, но которым рад.

Я, наверное, задремал. Потому что не услышал, как в дверь постучали. Первый раз. Три удара. Медленных. Я открыл глаза. В комнате было темно. Радио молчало. Я лежал и слушал тишину. Потом — снова. Три удара. Медленных. Я не встал. Не потому что боялся. А потому что знал, что не надо. Это было не для меня. Или для меня — но не сейчас.

Стук не повторился. Я лежал и смотрел в потолок. Трещина была на месте. Но что-то изменилось. Я не мог понять что. Просто чувствовал — как будто кто-то прошёл мимо, не задев, но оставив след. Невидимый. Но я его чувствовал.

Утром я встал раньше обычного. Дождь не шёл. Небо было серым, но сухим. Я оделся и вышел в коридор. Крыса стоял у окна. Смотрел на лес. Я подошёл.

— Ты слышал? — спросил он, не оборачиваясь.

— Что?

— Стук. Ночью. Три раза.

— Слышал.

— Ты не открыл.

— Не открыл.

Крыса повернулся ко мне. Лицо у него было спокойное, но в глазах — что-то другое. Не страх. Скорее — знание. Как у человека, который знает то, что не хочет знать.

— Правильно, — сказал он. — Если бы открыл — было бы хуже. Она бы вошла. И осталась. А так — она знает, что ты здесь. Но не может войти. Пока.

— Кто она?

Крыса покачал головой.

— Не знаю. Никто не знает. Она приходит ко всем. В первую неделю. Стучит три раза. Если откроешь — забирает что-то. Что-то важное. Что-то, что ты не хотел отдавать. Но отдашь. Потому что не сможешь не отдать.

— А если не открывать?

— Тогда она уходит. Но возвращается. Каждую ночь. Три удара. Пока ты не откроешь. Или пока не уйдёшь. Или пока не станешь таким, как она.

Он замолчал. Посмотрел в окно. Лес стоял мокрый, тёмный, но не страшный. Просто лес.

— Ты не бойся, — сказал Крыса. — Ты не открывай. И всё. Она не любит, когда не открывают. Но ничего не делает. Просто ждёт. Ждать она умеет.

Он улыбнулся — уголком рта.

— Пойдём завтракать. Сегодня должны давать рис с рыбой. По четвергам всегда рис с рыбой. Если не рис — значит, что-то случилось.

Мы пошли в столовую. По дороге Крыса рассказывал про то, как в подвале есть бассейн без воды. Про то, как на чердаке живёт кот, который не мяукает, но поёт. Про то, как в библиотеке есть книга, которую никто не читал, но все помнят наизусть. Я слушал и кивал. Иногда он останавливался и смотрел на меня — проверял, слушаю ли. Я слушал.

Рис с рыбой действительно давали. Рыба была жареная, с хрустящей корочкой. Рис — рассыпчатый, с нори. Я ел и думал о том, что сказал Крыса. Про стук. Про то, что она возвращается. Про то, что ждёт. Я не боялся. Не потому что был смелый. А потому что не понимал, чего бояться. Стук в дверь — это просто стук. Три удара. Медленных. Я не открыл. И не открою.

После завтрака я пошёл в библиотеку. Юки сидела на подоконнике. Книга без названия лежала рядом. Она смотрела в окно. Я подошёл.

— Ты слышал, — сказала она, не оборачиваясь.

— Да.

— Не открыл.

— Нет.

— Хорошо. Пока — хорошо. Но она вернётся. Сегодня. Завтра. Каждую ночь. Ты должен быть готов.

— К чему?

Юки повернулась. Глаза у неё были спокойные, как вода в глубоком колодце.

— К тому, что однажды ты захочешь открыть, — сказала она. — Не потому что она попросит. А потому что ты сам захочешь. Тогда — всё изменится. Но это будет твой выбор. Не её.

Она взяла книгу и открыла её. Разговор был кончен. Я вышел из библиотеки. Ворона сидела на дереве. Сухая. Или это была другая ворона. Я посмотрел на неё. Она посмотрела на меня. Где-то далеко играло радио. Bill Evans. Или кто-то, кто играл как он.

Я вернулся в комнату. Лёг. Закрыл глаза. Поезд всё ещё шёл где-то во мне. Или это было моё сердце. Я не мог отличить. И не хотел.

Я лежал долго. Дождь не шёл. Небо стало серым, но не белым — как будто кто-то выключил свет, но не до конца. Я встал. Подошёл к окну. Лес стоял мокрый, блестящий, как будто его только что вынули из воды и положили сушиться. Ворона улетела. Или это была другая ворона. Я не знал.

Я сел за стол. Взял ручку. Положил перед собой лист — тот самый, пустой, который я не сдал. Я не помнил, как он оказался у меня. Может, я его взял. Может, он сам пришёл. Я не знал. Я смотрел на него. Белый. Пустой. Я поднёс ручку к бумаге. И замер.

Я не знал, что писать. Я не знал, что забыл. Я не знал, было ли что-то вообще. Я сидел и смотрел на лист. И лист смотрел на меня. Мы молчали. Долго. Потом я отложил ручку. Лист остался пустым.

Я лёг. Закрыл глаза. И, наверное, заснул. Потому что не помню, как в комнате стало темно. Не помню, как радио выключилось. Не помню, как стук — три удара, медленных — прозвучал в тишине. Я не встал. Я просто лежал. И слушал. Как дышал голос. Как шёл поезд. Как трещина в потолке становилась глубже.

Глава 5. Фотография из подвала

Солнце продержалось недолго. К обеду оно исчезло, как будто его и не было, — просто ещё одно воспоминание, которое стёрли, пока я смотрел в другую сторону. Небо стало серым. Не тяжёлым, не предгрозовым, а просто серым — как стена в коридоре, как пыль на подоконнике, как всё в Мидори, что не хотело быть ни белым, ни чёрным.

Я сидел в столовой и ел рис. Рис был тёплый, чуть сладковатый, с нори и кунжутом. Я ел медленно, потому что торопиться было некуда. В Мидори время не шло — оно стояло, как вода в пруду, и ты мог смотреть в него сколько угодно, но оно не двигалось. Только отражение менялось.

Крыса сидел напротив. Он не ел. Просто держал чашку с чаем и смотрел в неё, как будто ждал, что чай что-то скажет.

— Ты был в подвале? — спросил он, не поднимая глаз.

— Нет.

— Сходи. Сегодня. После уроков.

— Зачем?

— Там есть фотография. На стене. Ты должен её увидеть.

Я отложил палочки.

— Что на ней?

Крыса покачал головой.

— Не скажу. Если скажу — ты не пойдёшь. А если не пойдёшь — будет хуже.

— Хуже для кого?

— Для тебя. Для меня. Для всех. Это как с кофе на третьем этаже. Ты должен сам. Иначе не считается.

Он допил чай — или сделал вид, что допил, — и поставил чашку на стол. Чашка была пустая. Но он всё равно смотрел в неё ещё секунду. Потом встал.

— Пойдём. «Практика ожидания». Сегодня — последний раз перед турниром.

— Каким турниром?

— Комната без двери. Помнишь? Ты выходил единственный. Теперь — второй этап. Но это не сегодня. Сегодня — просто ждать.

Мы пошли в аудиторию 7. По дороге Крыса рассказывал про подвал. Про то, что там темно, но не страшно. Про то, что там пахнет землёй и старой бумагой. Про то, что на стене висит фотография — большая, в рамке, с треснувшим стеклом. И на ней — люди. Много людей. Молодых, старых, улыбающихся, серьёзных. Все они стояли группами или поодиночке. Все они смотрели в объектив.

— И что в ней особенного? — спросил я.

Крыса остановился. Посмотрел на меня. Глаза у него были серьёзные.

— То, что на ней есть ты, — сказал он. — И я. И Юки. И Кадзи. И все, кто здесь есть. И все, кого здесь нет. Но фотография старая. Очень старая. Ей лет двадцать. Может, больше.

— Как это возможно?

— Не знаю. Никто не знает. Но она есть. И ты должен её увидеть. Сам.

Он пошёл дальше. Я пошёл за ним.

«Практика ожидания» прошла как всегда. Женщина с длинными волосами вошла, села за стол и стала смотреть в окно. Мы сидели и ждали. Никто не разговаривал. Никто не двигался. Я смотрел на её руки — тонкие пальцы, короткие ногти, ни следа лака. Она не шевелилась. Только глаза двигались — медленно, как будто следили за чем-то, чего я не видел.

Через час она встала и вышла. Никто не сказал ни слова. Крыса толкнул меня локтем.

— Пойдём. Урок кончился.

— Что мы ждали?

— Ничего. Или всё. Это одно и то же.

После урока я не пошёл в библиотеку. Не пошёл в комнату. Не пошёл в столовую. Я пошёл в подвал. Ноги сами несли — как тогда, на третий этаж. Я не знал, где находится лестница. Но нашёл её сразу — за поворотом коридора, у стены, которую я раньше не замечал. Дверь была приоткрыта. За ней — ступени. Каменные, стёртые посередине. Как будто по ним ходили сотни лет.

Я спустился. Ступени скрипели под ногами — не противно, а как-то по-домашнему. Внизу было темно. Не чёрно, а серо — как будто кто-то разбавил тьму водой. Я постоял, привыкая. Потом пошёл дальше.

Подвал был длинный. Коридор с низким потолком, с трубами вдоль стен, с лампочками, которые горели через одну. На полу — пыль. На стенах — пятна. Не сырость, а скорее тени, которые здесь живут. Я шёл и считал шаги. Двадцать. Тридцать. Сорок. На сорок втором остановился.

Фотография висела на стене. Большая, в рамке, с треснувшим стеклом. Трещина шла по диагонали — от верхнего левого угла к нижнему правому. Как река на карте. Я подошёл ближе.

На фотографии были люди. Много людей. Они стояли перед школой — перед теми самыми воротами, которые я видел в первый день. Каменные столбы, железная решётка. За ними — здание. Серое, трёхэтажное. То же самое. Только новее. Окна блестели. Крыша была целая. Трава — зелёная.

Люди на фотографии были разные. Мужчины, женщины, юноши, девушки. Они стояли группами или поодиночке. Кто-то улыбался. Кто-то смотрел серьёзно. Кто-то отводил глаза. Я стал их рассматривать. Медленно, лицо за лицом. Я не знал, что ищу. Но искал.

И нашёл.

В правом нижнем углу стоял человек. Молодой, худой, с короткими чёрными волосами. Лицо спокойное, почти без выражения. Глаза смотрят прямо в объектив. Он стоял один. Никто не стоял рядом с ним. Как будто вокруг него было пустое место. Я смотрел на него долго. Потом понял.

Это был я.

Я не мог ошибиться. Те же волосы. Те же глаза. То же лицо — молодое, но уже с этим выражением, которое я видел в зеркале каждое утро. Как будто человек уже знает что-то, но ещё не готов это сказать. Я стоял и смотрел на себя. На себя — двадцатилетней давности. Или больше. Я не знал, сколько лет этой фотографии. Но я знал, что меня тогда ещё не было. Или был. Я не понимал.

Я перевёл взгляд. Рядом с фотографией, чуть левее, стояла девушка. Короткие волосы, тёмная одежда. Она смотрела не в объектив, а в сторону — как будто что-то увидела за кадром. Я узнал её сразу.

Юки.

Она была такая же. Не моложе, не старше. Та же. Как будто время её не тронуло. Или как будто она всегда была здесь. Я смотрел на неё. Потом на себя. Потом снова на неё. Они стояли не рядом. Между ними было несколько человек. Но они были на одной фотографии. В одном времени. Которого не должно было быть.

Я поискал Крысу. Нашёл. Он стоял в левом верхнем углу. Худой, длинные волосы, улыбка уголком рта. Он был такой же, как сейчас. Только моложе. Или старше. Я не мог понять.

Я поискал Кадзи. Он стоял в центре, чуть позади всех. Седые волосы, очки, свитер. Он не улыбался. Смотрел прямо. Как будто знал, что фотография — это не память, а обещание.

Я поискал других. Тех, кого знал. Повара. Женщину с длинными волосами. Старика с бородой. Все они были здесь. Все. Как будто школа собрала их всех — тогда, двадцать лет назад, — и сфотографировала. А потом они остались. Или вернулись. Или никогда не уходили.

Я стоял и смотрел. Долго. Может, час. Может, больше. В подвале было тихо. Только где-то капала вода. И ещё — я слышал дыхание. Не своё. Чужое. Тихое, с паузами. Я обернулся. Никого. Я посмотрел в коридор. Пусто. Но дыхание было. Я не мог ошибиться.

Я снова повернулся к фотографии. И тогда увидел то, что не заметил сразу. В самом низу, у ног людей, была надпись. Мелкая, выцветшая, почти неразборчивая. Я присел на корточки. Прищурился. Прочитал.

«Школа Мидори. Выпуск. Год, которого нет».

Я сидел на корточках и смотрел на эти слова. Год, которого нет. Что это значит? Я не знал. Но чувствовал, что это важно. Как будто кто-то хотел сказать мне что-то — но не словами. А тем, что слов нет.

Я встал. Отряхнул колени. Посмотрел на фотографию ещё раз. На себя. На Юки. На Крысу. На Кадзи. Все они смотрели на меня. Или сквозь меня. Я не мог понять.

Я пошёл к лестнице. Поднялся. В коридоре было светло. День ещё не кончился. Я вышел на улицу. Ворона сидела на дереве. Или это была другая ворона. Я посмотрел на неё. Она посмотрела на меня. Где-то далеко играло радио. Bill Evans. Или кто-то, кто играл как он.

Я пошёл в библиотеку. Юки сидела на подоконнике. Книга без названия лежала рядом. Она смотрела в окно.

— Ты видел, — сказала она, не оборачиваясь.

— Да.

— И что ты думаешь?

— Я не знаю. Я видел себя. И тебя. И всех. Но фотография старая. Двадцать лет. Может, больше.

Юки повернулась. Глаза у неё были спокойные, как вода в глубоком колодце.

— Время здесь не идёт, — сказала она. — Оно стоит. Или ходит кругами. Ты не можешь измерить его годами. Год — это просто слово. Как «всегда». Как «никогда». Оно ничего не значит.

— Но я был там. На фотографии. Я. Двадцать лет назад.

— Может, был. Может, нет. Может, это не ты. Может, это тот, кто был до тебя. Или тот, кто будет после. В Мидори всё повторяется. Люди приходят. Уходят. Возвращаются. Забывают. Вспоминают. Это не жизнь. Это что-то другое.

— Что?

Юки улыбнулась. Не широко — уголком рта.

— Если бы я знала, я бы не сидела здесь, — сказала она. — Я бы ушла. Или осталась. Но по-другому.

Она взяла книгу и открыла её. Разговор был кончен. Я вышел из библиотеки. Пошёл в свою комнату. Лёг. Закрыл глаза. Фотография стояла передо мной. Я видел её даже с закрытыми глазами. Себя. Юки. Крысу. Кадзи. Всех. И надпись: «Год, которого нет».

Я лежал и думал о том, что, может быть, это и есть ответ. Не тот, который ищут. А тот, который просто есть. Год, которого нет. Школа, которой нет. Люди, которых нет. И я — который, может быть, тоже нет. Но я здесь. Я дышу. Я ем. Я сплю. Я думаю. Значит, я есть. Или это тоже часть того, чего нет.

Я, наверное, задремал. Потому что не услышал, как в дверь постучали. Первый раз. Три удара. Медленных. Я открыл глаза. В комнате было темно. Радио молчало. Я лежал и слушал тишину. Потом — снова. Три удара. Медленных. Я не встал. Не потому что боялся. А потому что знал, что не надо. Это было не для меня. Или для меня — но не сейчас.

Стук не повторился. Я лежал и смотрел в потолок. Трещина была на месте. Но что-то изменилось. Я не мог понять что. Просто чувствовал — как будто кто-то прошёл мимо, не задев, но оставив след. Невидимый. Но я его чувствовал.

Утром я встал раньше обычного. Дождь не шёл. Небо было серым, но сухим. Я оделся и вышел в коридор. Крыса стоял у окна. Смотрел на лес. Я подошёл.

— Ты видел фотографию, — сказал он, не оборачиваясь.

— Видел.

— И что?

— Я не знаю. Я видел себя. И тебя. И Юки. И Кадзи. И всех. Но фотография старая. Двадцать лет. Может, больше.

Крыса повернулся. Лицо у него было спокойное, но в глазах — что-то другое. Не страх. Скорее — знание. Как у человека, который знает то, что не хочет знать.

— Это не фотография, — сказал он. — Это зеркало. Только оно показывает не то, что есть. А то, что было. Или будет. Или могло бы быть. Ты видишь себя. Но это не ты. Это тот, кем ты был. Или кем станешь. В Мидори всё сразу. Прошлое, будущее, настоящее. Они здесь вместе. Как в комнате без двери. Ты не можешь выйти, потому что не знаешь, где вход. А вход — везде. И нигде.

Он замолчал. Посмотрел в окно. Лес стоял мокрый, тёмный, но не страшный. Просто лес.

— Ты не бойся, — сказал Крыса. — Ты не думай об этом. Просто живи. Ешь. Спи. Слушай. Она не любит, когда думают. Она любит, когда просто есть. Тогда она оставляет тебя в покое. На время.

Он улыбнулся — уголком рта.

— Пойдём завтракать. Сегодня должны давать рис с рыбой. По четвергам всегда рис с рыбой. Если не рис — значит, что-то случилось.

Мы пошли в столовую. По дороге Крыса рассказывал про то, как в подвале есть бассейн без воды. Про то, как на чердаке живёт кот, который не мяукает, но поёт. Про то, как в библиотеке есть книга, которую никто не читал, но все помнят наизусть. Я слушал и кивал. Иногда он останавливался и смотрел на меня — проверял, слушаю ли. Я слушал.

Рис с рыбой действительно давали. Рыба была жареная, с хрустящей корочкой. Рис — рассыпчатый, с нори. Я ел и думал о том, что сказал Крыса. Про зеркало. Про то, что прошлое, будущее и настоящее — вместе. Про то, что она не любит, когда думают. Я не боялся. Не потому что был смелый. А потому что не понимал, чего бояться. Фотография — это просто фотография. Старая, с треснувшим стеклом. И я на ней — просто человек, который похож на меня. Может, это мой отец. Может, дед. Может, я сам. Это не имело значения. Значение имело только то, что я здесь. Сейчас. И ем рис. И пью чай. И слушаю Крысу. И это — реально. Всё остальное — нет.

После завтрака я пошёл в библиотеку. Юки сидела на подоконнике. Книга без названия лежала рядом. Она смотрела в окно. Я подошёл.

— Ты слышал, — сказала она, не оборачиваясь.

— Да.

— Не открыл.

— Нет.

— Хорошо. Пока — хорошо. Но она вернётся. Сегодня. Завтра. Каждую ночь. Ты должен быть готов.

— К чему?

Юки повернулась. Глаза у неё были спокойные, как вода в глубоком колодце.

— К тому, что однажды ты захочешь открыть, — сказала она. — Не потому что она попросит. А потому что ты сам захочешь. Тогда — всё изменится. Но это будет твой выбор. Не её.

Она взяла книгу и открыла её. Разговор был кончен. Я вышел из библиотеки. Ворона сидела на дереве. Сухая. Или это была другая ворона. Я посмотрел на неё. Она посмотрела на меня. Где-то далеко играло радио. Bill Evans. Или кто-то, кто играл как он.

Я вернулся в комнату. Лёг. Закрыл глаза. Поезд всё ещё шёл где-то во мне. Или это было моё сердце. Я не мог отличить. И не хотел.

Я лежал долго. Дождь не шёл. Небо стало серым, но не белым — как будто кто-то выключил свет, но не до конца. Я встал. Подошёл к окну. Лес стоял мокрый, блестящий, как будто его только что вынули из воды и положили сушиться. Ворона улетела. Или это была другая ворона. Я не знал.

Я сел за стол. Взял ручку. Положил перед собой лист — тот самый, пустой, который я не сдал. Я не помнил, как он оказался у меня. Может, я его взял. Может, он сам пришёл. Я не знал. Я смотрел на него. Белый. Пустой. Я поднёс ручку к бумаге. И замер.

Я не знал, что писать. Я не знал, что забыл. Я не знал, было ли что-то вообще. Я сидел и смотрел на лист. И лист смотрел на меня. Мы молчали. Долго. Потом я отложил ручку. Лист остался пустым.

Я лёг. Закрыл глаза. И, наверное, заснул. Потому что не помню, как в комнате стало темно. Не помню, как радио выключилось. Не помню, как стук — три удара, медленных — прозвучал в тишине. Я не встал. Я просто лежал. И слушал. Как дышал голос. Как шёл поезд. Как трещина в потолке становилась глубже.

Утром я проснулся от того, что в комнате было слишком светло. Солнце — впервые за много дней — пробивалось через занавеску. Я сел на кровати. На столе лежал лист. Тот самый. Пустой. Но что-то в нём было другое. Я не мог понять что. Я взял его в руки. Он был тёплый. Как будто кто-то держал его всю ночь.

Я перевернул его. На обратной стороне — там, где ничего не было, — я увидел слово. Одно слово. Написанное моей рукой. Я не помнил, как его написал. Но оно было там. Я прочитал его. И ничего не почувствовал. Потому что это было слово, которого я не знал. Но которое, почему-то, было моим.

Глава 6. Комната без двери

Турнир не объявили. Он просто случился. Как дождь, который начинается без предупреждения, или как мысль, которая приходит, когда ты уже почти заснул. Утром я вышел в коридор и увидел, что двери всех аудиторий открыты. Не приоткрыты — распахнуты настежь. Внутри никого. Ни студентов, ни преподавателей. Только пустые стулья и запах мела, который никто не стирал с доски.

Я пошёл в столовую. Там тоже было пусто. Повар стоял у плиты, но не готовил. Просто стоял и смотрел в кастрюлю, как будто ждал, что она заговорит. Я взял хлеб — единственное, что было на стойке. Сел у окна. Съел. Повар не кивнул. Не посмотрел на меня. Я не обиделся. В Мидори бывали дни, когда все молчали. Я уже привык.

После завтрака я пошёл искать аудиторию 8. Я не знал, где она. Но ноги знали. Они несли меня по коридору — мимо библиотеки, мимо лестницы на третий этаж, мимо двери в подвал. Всё дальше, в ту часть здания, где я ещё не был. Коридор сужался. Лампы становились реже. Стены темнели. Потом коридор кончился. Передо мной была дверь. Обычная, деревянная, крашеная. Ручка блестела.

Я открыл её.

Внутри было пусто. Не так, как бывает в комнатах, откуда вынесли мебель. А пусто по-другому. Как будто здесь никогда ничего не было. Белые стены. Серый пол. Потолок, который терялся в темноте. Тишина. Не плотная, не острая. Просто тишина.

Дверь за мной закрылась. Я не обернулся. Знал, что там её больше нет.

Я стоял. Дышал. Слушал. Сердце билось ровно. Я не боялся. Не потому что был смелый. А потому что страх — это когда знаешь, что можешь потерять. А я не знал, что у меня есть. Значит, терять было нечего.

Я сделал шаг. Потом ещё. Пол был холодный, но не неприятный. Я прошёл несколько метров. Стены не двигались. Не сжимались. Не расступались. Просто стояли. Я остановился. Закрыл глаза.

Сначала я услышал себя. Дыхание. Пульс. Потом — тишину. Потом — голос. Тот самый. Женский. Он не говорил слов. Просто дышал. Рядом. Я открыл глаза. Никого. Закрыл снова. И стал ждать.

Я не знал, сколько прошло времени. В комнате без двери время не имело значения. Оно было как воздух. Я стоял и слушал. И тогда почувствовал. Не услышал. Не увидел. Почувствовал. Стена рядом со мной стала тёплой. Я не касался её. Но чувствовал тепло. Как от человека, который стоит рядом и молчит.

Я протянул руку. Коснулся. Стена была тёплая. И мягкая. Как кожа. Я не отдёрнул руку. Просто стоял и касался. И тогда стена стала прозрачной. Не сразу. Медленно. Как лёд тает весной — сначала по краям, потом в середине. Я увидел за ней не коридор. Не другую комнату. А лес.

Не тот, что за окном. Другой. Густой. Тёмный. С высокими деревьями, которые не качались, хотя ветер был. Тропинка вела вглубь. Я сделал шаг. И оказался на ней. Босиком. Трава была мокрая. Пахло землёй и дождём. Я не знал, куда иду. Но шёл. И не боялся. Потому что знал, что дойду.

Я вышел на поляну. На поляне стоял дом. Маленький, деревянный, с черепичной крышей. Из трубы шёл дым. Я остановился. Я знал этот дом. Не помнил. А знал. Как знаешь что-то, что было давно. Или не было. Но знаешь.

Дверь открылась. На пороге стояла женщина. Молодая, с длинными волосами, в светлом платье. Она смотрела на меня. И улыбалась. Не широко — уголком рта.

— Ты пришёл, — сказала она.

Я не ответил.

— Ты долго шёл, — сказала она. — Я ждала.

— Кто ты?

Она улыбнулась. Не ответила. Просто стояла и смотрела. И я смотрел. И тогда понял. Это была она. Та, которая стучала в дверь. Три раза. Медленно. Та, которая дышала рядом. Та, которая жила в стенах. Она была здесь. На поляне. В доме. И она ждала меня.

Я сделал шаг. Потом ещё. Я подошёл к дому. Она стояла на пороге. Я остановился в двух шагах. Глаза у неё были тёмные, глубокие, как колодец. Я не мог определить, сколько ей лет.

— Ты хочешь войти? — спросила она.

Я не ответил. Я не знал, хочу ли. Я не знал, что это значит. Я не знал, что будет, если войду. И что будет, если не войду.

— Ты можешь не входить, — сказала она. — Я не заставляю. Я никогда не заставляю. Я просто жду. Ждать я умею.

— Чего ты ждёшь?

— Тебя, — сказала она. — Ты пришёл. Это уже много. Но ты ещё не вошёл. Это другое.

— Что будет, если я войду?

— Тогда ты останешься. Навсегда. Или на время. Я не знаю. Это зависит от тебя. Не от меня.

— А если не войду?

— Тогда ты уйдёшь. И вернёшься. И снова уйдёшь. И снова вернёшься. Пока не устанешь. Или пока не поймёшь.

— Что пойму?

— Что нет разницы, — сказала она. — Между войти и не войти. Между остаться и уйти. Между здесь и там. Всё это — одно и то же. Просто слова. Как «всегда». Как «никогда». Они ничего не значат.

Я стоял и смотрел на неё. Долго. Она не торопила. Она умела ждать. Я тоже умел. Мы стояли друг напротив друга. Два человека. Или один. Или ни одного. И тогда я понял, что не хочу входить. Не потому что боюсь. А потому что не хочу оставаться. И не хочу уходить. Я хочу просто стоять. Здесь. Сейчас. И смотреть. И дышать. Вместе с ней.

Я закрыл глаза. Дыхание было ровное. Голос был рядом. Я стоял и слушал. И тогда всё исчезло. Лес. Дом. Женщина. Всё. Я открыл глаза. Комната была белая. Я сидел на полу. Один.

Я встал. Пошёл к тому месту, где была дверь. Её не было. Я коснулся стены. Она была тёплая. Я закрыл глаза. И тогда стена стала прозрачной. Я увидел за ней коридор. Тот самый. С лампами, которые горят через одну. Я сделал шаг. И вышел.

Коридор был пуст. Я стоял и слушал. Голос остался в комнате. Дышал. Я не обернулся. Пошёл на улицу. Мне нужно было выйти. Не потому что я хотел убежать. А потому что хотел почувствовать воздух. Настоящий. Не тот, что в комнате. Не тот, что на поляне. А тот, что был здесь.

Я вышел во двор. Было тихо. Даже вороны на дереве не было. Или она была, но я её не заметил. Я пошёл к пруду. Я не знал, что здесь есть пруд. Но он был. Маленький, с зелёной водой и листьями на поверхности. Я сел на берег. И стал смотреть.

Вода была спокойная. Только листья чуть покачивались. Я смотрел в неё и видел своё отражение. Не чёткое. Размытое. Как будто человек, который смотрит на меня, ещё не решил, кто он. Я не отвёл глаз. Просто смотрел. Долго.

Потом я встал. Пошёл в комнату. Сел за стол. Взял лист — тот самый, пустой. И ручку. Я не знал, что писать. Но на этот раз не стал ждать. Просто провёл линию. Одну. Потом ещё. Потом ещё. Я рисовал. Не слова. Линии. Они пересекались. Изгибались. Соединялись. Я не думал. Просто рисовал. И когда закончил — посмотрел. Это был лес. Тропинка. Дом. И женщина на пороге. Я нарисовал её. Не думая. Просто рука знала.

Я отложил ручку. Долго смотрел на рисунок. Потом сложил лист пополам. И убрал в сумку. Туда, где лежала книга без названия.

Я лёг. Закрыл глаза. И, наверное, заснул. Потому что не помню, как в комнате стало темно. Не помню, как радио выключилось. Не помню, как стук — три удара, медленных — прозвучал в тишине. Я не встал. Я просто лежал. И слушал.

Утром я проснулся от того, что кто-то стоял в комнате. Я открыл глаза. Никого. Но воздух был другой. Как будто кто-то дышал здесь, пока я спал. И оставил после себя запах. Не духи. Не дым. Что-то другое. Я не мог понять что.

Я встал. Оделся. Вышел в коридор. Крыса стоял у окна. Он был бледный. Сильнее, чем обычно. Под глазами — тени. Руки дрожали. Он держал чашку, но не пил. Просто держал.

— Ты вышел, — сказал он. Голос был тихий. — Я знал.

— Что с тобой?

— Ничего. Просто забыл. Опять.

— Что забыл?

— Слово. Одно. Я знал его утром. А сейчас — нет. Оно было. И ушло. Как вода в песок. Я не успел.

Он поставил чашку на подоконник. Рука дрогнула. Чашка звякнула о камень. Не разбилась. Просто звякнула.

— Это началось вчера, — сказал он. — Когда ты был в комнате. Я стоял здесь. Ждал. И вдруг — слово. Просто слово. Я не помню какое. Но оно было важное. Я знаю. И теперь его нет.

Он посмотрел на меня. Глаза были невесёлые.

— Ты не бойся, — сказал он. — Это не смерть. Это просто другая форма. Я знал, что так будет. Рано или поздно. Все теряют. Я потерял раньше. Ты — позже. Или никогда.

Он улыбнулся — уголком рта. Но улыбка была слабая. Как будто он забыл, как это делается.

— Пойдём, — сказал он. — Сегодня должны давать рис с рыбой.

Мы пошли в столовую. По дороге Крыса молчал. Не рассказывал про подвал. Не рассказывал про чердак. Просто шёл. И я шёл рядом. И мы молчали. Вместе.

Рис с рыбой давали. Рыба была жареная, с хрустящей корочкой. Я ел. Крыса не ел. Просто сидел и смотрел в тарелку. Как будто ждал, что рис что-то скажет. Но рис молчал.

После завтрака я пошёл в библиотеку. Юки сидела на подоконнике. Книга без названия лежала рядом. Она смотрела в окно. Я подошёл.

— Он забывает, — сказал я.

— Да.

— Это плохо?

— Нет. И да. Это просто есть. Как дождь. Как тишина. Как всё здесь.

Она повернулась. Глаза у неё были спокойные, как вода в глубоком колодце.

— Ты видел её, — сказала она. Это был не вопрос.

— Видел.

— И не вошёл.

— Не вошёл.

— Хорошо. Пока — хорошо. Но она вернётся. Не в комнату. В тебя. Она всегда возвращается. Ты должен быть готов.

— К чему?

— К тому, что однажды ты захочешь войти. Не потому что она попросит. А потому что ты сам захочешь. Тогда — всё изменится. Но это будет твой выбор. Не её.

Она взяла книгу и открыла её. Разговор был кончен. Я вышел из библиотеки.

Я вернулся в комнату. Лёг. Закрыл глаза. И лежал так долго — не спал, не бодрствовал, а просто был. Как вода в пруду. Как камень на берегу. Как дерево, которое не качается, хотя ветер есть.

Потом я встал. Открыл сумку. Достал лист с рисунком. Развернул. Лес. Тропинка. Дом. Женщина на пороге. Я смотрел на неё долго. Потом достал ручку. И на обратной стороне листа — там, где было пусто, — написал одно слово. Не думая. Просто рука знала. Я не стал читать, что написал. Сложил лист. Убрал в сумку. И вышел из комнаты.

В коридоре было тихо. Я пошёл не в столовую, не в библиотеку. Я пошёл на третий этаж. В кухню. Сварил кофе. Без сахара. Выпил. Голос дышал рядом. Я не обернулся. Просто пил кофе и смотрел в окно. За окном был лес. Мокрый. Блестящий. Как будто его только что вынули из воды.

Я поставил чашку. Вымыл. Поставил на место. И спустился вниз. День ещё не кончился. Но для меня он уже был другим.

Глава 7. Бассейн без воды

Крыса исчез из комнаты до рассвета. Я проснулся от того, что в комнате стало меньше воздуха — не душно, а именно меньше. Как будто кто-то забрал часть того, что было. Койка напротив была пуста. Одеяло сложено. Подушка взбита. Так аккуратно, что становилось ясно: он не вернётся к завтраку. Может, вообще не вернётся.

Я оделся и вышел. В коридоре горела одна лампа из пяти. Тени лежали на полу длинными полосами, и мне приходилось перешагивать через них, как через лужи. Я нашёл Крысу на лестнице между вторым и третьим этажом. Он сидел на ступеньке, обхватив колени руками, и смотрел в стену перед собой. Стена была серая, с облупившейся краской. Ничего интересного.

— Ты чего здесь? — спросил я.

Он поднял голову. Лицо у него было не сонное, а скорее отсутствующее — как у человека, который только что проснулся и ещё не понял, где находится.

— Я забыл, как называется лестница, — сказал он.

Я сел рядом.

— Лестница.

— Да. Лестница. Я знал это слово. Утром знал. А потом оно вылетело. Я сидел и думал: вот эта штука, по которой ходят вверх и вниз. У неё есть название. Я его знал. А теперь — нет.

Он говорил спокойно. Не жаловался. Просто сообщал факт, как сообщают о погоде.

— Может, оно вернётся, — сказал я.

— Может. Иногда возвращается. Иногда нет. Вчера я забыл слово «окно». Сегодня вспомнил. А «дверь» — до сих пор не помню. Я называю её «то, что открывается». Работает.

Он улыбнулся. Улыбка была настоящая — не та, которой он обычно прикрывался, а другая. Шире. Проще. Как у ребёнка, который нашёл выход из положения и рад этому.

— Пойдём, — сказал он. — Юки тебя искала. Утром. Сказала, чтобы ты пришёл в бассейн.

— В бассейн?

— В заброшенное крыло. Там есть бассейн. Без воды. Она там часто сидит.

Он встал. Отряхнул колени. И пошёл вниз — не оборачиваясь, не проверяя, иду ли я. Я пошёл за ним. Мы спустились на первый этаж. В столовой пахло варёным рисом. Крыса не пошёл туда. Он свернул в другой коридор — тот, который я раньше не замечал. Я последовал.

Коридор был длинный и узкий. Окна здесь были забиты досками — не наглухо, а с щелями, через которые пробивался серый свет. Пахло пылью и чем-то ещё — сладковатым, как старая бумага, которую долго держали в сыром месте. Мы шли мимо закрытых дверей. На некоторых были таблички. Я не читал их. Просто шёл.

В конце коридора была арка. За ней — большое помещение. Я остановился на пороге.

Бассейн был огромный. Гораздо больше, чем я ожидал. Длина — метров двадцать пять. Ширина — метров десять. Глубина — метра три в самой глубокой части. На дне — кафель. Голубой, выцветший до бледно-серого. По краям — дорожки. Стартовые тумбы. Всё на месте. Только воды не было. И не было её давно — кафель потрескался, кое-где отвалился, обнажив бетон. На дне лежали сухие листья. Много. Они покрывали кафель неровным слоем, и от этого бассейн казался не пустым, а наоборот — полным. Только не водой, а чем-то другим.

Юки сидела на дне. В самой глубокой части. Скрестив ноги. Она была маленькая — такая маленькая, что казалась ребёнком, потерявшимся в этом огромном пространстве. Я спустился по металлической лестнице. Ступени скрипели. Когда я ступил на дно, звук моих шагов изменился — стал плоским, как будто пол проглатывал его.

— Ты пришёл, — сказала Юки, не поднимая головы.

— Крыса сказал, ты меня искала.

— Да. Садись.

Я сел напротив неё. Кафель был холодный. Холод шёл снизу, через брюки, и я почувствовал его в костях. Но не встал. Здесь было тихо. По-другому тихо — не как в комнате без двери, не как в коридорах, а как-то объёмно. Тишина была большой. Она заполняла бассейн до краёв, и мы сидели в ней, как две рыбки в аквариуме, из которого вылили воду.

— Зачем ты здесь? — спросил я.

Юки подняла голову. Она смотрела на меня — спокойно, без выражения. Как смотрят на что-то, что уже видели много раз и не ждут, что оно изменится.

— Потому что здесь никто не приходит, — сказала она. — Кроме тебя. Ты первый за долгое время. Может, за год. Может, за два. Я не считаю.

— Почему я?

— Потому что ты ещё не решил, — сказала она. — Остальные уже решили. Крыса решил. Кадзи решил. Все решили. Ты — нет. Поэтому ты здесь. Поэтому ты ходишь по школе, как будто она тебе не принадлежит. Как гость. Или как хозяин. Я не знаю. Но не как житель.

Она замолчала. Потом добавила:

— Я тоже когда-то была гостем. Теперь я житель. Разница есть.

— В чём?

— В том, что гость может уйти. Житель — нет. Житель может только ждать.

Она смотрела на стену бассейна. Там, на кафеле, было что-то нарисовано — я не заметил сразу. Линии. Простые, тонкие, выцарапанные чем-то острым. Я присмотрелся. Это была карта. Не школы. Другого места. Дома. Деревья. Река. И маленькая фигурка человечка, стоящего у реки.

— Ты нарисовала? — спросил я.

— Нет. Это было здесь до меня. Я только подписала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.